

— Они точно заметят. — Во время поцелуя о стыде не думалось, но теперь Сун Фэя накрыло запоздалым страхом. Пусть они и отошли метров на пятнадцать, чувство было такое, будто они воруют среди бела дня.

— Я загораживаю тебя, — хриплым голосом отозвался Ци Янь.

— Чтобы заметить такое, не обязательно смотреть на нас во все глаза! — Сун Фэй мысленно закатил глаза. Любой, кто хоть мельком взглянет в их сторону, сразу всё поймет.

— Ну и что с того? — с тех пор как Ци Янь вернул бывшего парня, в плане каминг-аута он стал вести себя по принципу «гори всё синим пламенем». — Мы снова вместе, так что устроить «заезд» в честь праздника — самое то.

Мужественный студент Сун не мог с этим не согласиться и с тяжелым вздохом признал:

— Жаль только, сейчас не прокатишься. Максимум — погазовать на нейтралке.

Ци Янь снова навис над ним:

— Значит, погазуем подольше.

Сун Фэй все еще боялся, что их бурная страсть напугает друзей. Он уже хотел было отстраниться, но тут издали донесся знакомый напористый голос Брата Бэ из радиоэфира, сопровождаемый дружным смехом товарищей. Сун Фэй тут же расслабился и от души «ударил по газам».

В десятке метров от них Хэ Чживэнь, снова включив радиоприемник, настраивал волну для товарищей. Линь Дилэй, Ло Гэн и Ли Цзиньюй с любопытством столпились вокруг него. Минуту назад они как раз поймали частоту Брата Бэ, и Линь Дилэй удивленно воскликнула:

— О, я слушала передачу этого парня! Безумно интересно!

Ло Гэн слушал радио как величайшее откровение и тут же принялся подражать ведущему, практикуясь прямо на месте.

Ли Цзиньюй покатывался со смеху от его кривляний.

Хэ Чживэнь поддразнил его:

— Ли Цзиньюй, ну у тебя и смешинка в рот попала.

Тот возмутился:

— Да почему даже ты называешь меня по кличке?

Хэ Чживэнь искренне удивился:

— А разве это не твое настоящее имя?

Ли Цзиньюй помрачнел и, схватив товарища за шкуру, потащил за собой:

— А ну иди сюда, я сейчас просвещу тебя насчет своего личного дела...

На свободной площадке неподалеку от самодельного очага Цяо Сыци и Чжоу Илюй, решив

уединиться в тишине, взахлеб рассказывали сидевшему в одиночестве Ван Цинюаню о своих недавних смертельно опасных приключениях. Чжоу Илюй вещал, брызжа слюной, а Цяо Сыци дополнял его слова яркими деталями. Оба выкладывались на полную, целиком погрузившись в повествование.

Ван Цинюань слушал их на редкость внимательно, не упуская ни единого слова.

Закончив, оба с надеждой спросили:

— Ну как, проняло? Страшно было?

Ван Цинюань задумчиво кивнул:

— То есть Сун Фэй и Ци Янь снова вместе?

Чжоу и Цяо хором воскликнули:

— Да они во всей нашей саге о корпусе Лубань появились только в самом конце и то в качестве эпизодических персонажей!!!

Ван Цинюань развел руками:

— А я люблю массовку.

Эта ночь была обречена стать бессонной.

Каждый из ребят праздновал возродившуюся надежду и встречал рассвет по-своему.

Конечно, не обходилось и без исключений.

В углу кухни сбились в кучу «Тринадцать химиков», которые уже давно и безмолвно наблюдали за всем происходящим.

Они видели, как четверо парней хором орал под мобильник: «Е-е-е~~ Е-е-е~~ Всё потому, что моя болезнь — это полное отсутствие чувств!»; застучали двух парней, которые зажимались по углам; с удивлением обнаружили, что близкие с виду приятели на самом деле не знают имен друг друга; стали свидетелями того, как трое товарищей разругались в пух и прах, споря, что важнее — сюжет или романтическая линия. И наконец, они увидели, как писаная красавица отпихнула парня с матфака, чтобы лично дорваться до микрофона и зажечь под музыку.

— Здесь... точно безопасно?

Задавший этот вопрос парень выглядел настолько простодушным и честным, что напоминал того самого наивного ребенка из сказки про голого короля.

Когда Хуан Мо протянул им яблоки, «Тринадцать химиков» как раз бурно обсуждали, у кого с головой хуже — у зомби или у Класа ушэн. При мысли о том, что ближайший месяц, а то и больше, им придется бок о бок уживаться с этими парнями, от которых явно не веяло надежностью, они невольно содрогались.

И в этот самый момент появился Хуан Мо.

Он возник бесшумно, словно призрак, но с сияющей улыбкой, а его круглые румяные щеки были точь-в-точь как яблоки у него в руках.

Ван Шань не знал, много ли из их пересудов тот успел расслышать, и почувствовал себя неловко, будто его поймали на месте преступления.

Хуан Мо, казалось, ничего не заметил и непринужденно произнес:

— Вечерний перекус.

С этими словами он раздал нарезанные яблоки всем тринадцати ребятам. Каждому досталось по половинке, а на подносе оставалось еще прилично — очевидно, он нарезал фрукты на всю компанию, но при раздаче решил сначала угостить гостей.

На фоне их пересудов это благородство выглядело особенно выразительно.

Ван Шань не знал, что сказать, и с противоречивыми чувствами сжал в руке половинку яблока, негромко пробормотав:

— Спасибо.

Хуан Мо улыбнулся и, раздав угощение до конца, отправился на поиски ребят из Класа ушэн.

Ван Шань с хрустом откусил яблоко, рот наполнился кисло-сладким соком, но на душе от этого вкуса стало лишь тревожнее. Его одолевали противоречивые мысли: с одной стороны, мир не без добрых людей, а с другой — он чувствовал себя Белоснежкой, которую переодетая королева обманом заставила съесть отравленный плод.

Поскольку последнее сравнение казалось оскорбительным как для него самого, так и для их благодетеля, комсорг не стал делиться им с одноклассниками.

В уединенном темном уголке два «опытных водителя», которым так и не дали «прокатиться», а лишь позволили вхолостую погазовать, наконец притомились и перешли к платоническому общению.

В книгах пишут, что платоническая любовь — это чистая духовная связь, стремящаяся к единению душ. Если судить по этим меркам, то у них двоих платонических отношений почти никогда и не было. Большую часть времени их романа занимала либо бесстыдная страсть, либо прилежная учеба. А те редкие моменты, когда их души действительно соприкасались, без исключения приходились на ссоры. Да и тогда это в основном был бурный монолог Сун Фэя, в то время как Ци Янь просто уходил в глухую оборону.

Оглядываясь назад, Сун Фэй с трудом верил, что тот робкий и осторожный парень из прошлого — действительно он сам.

Когда же его внутренний настрой успел так измениться?

Сун Фэй и сам не знал.

Возможно, всему виной была вспышка зомби-волны, а возможно, это случилось позже. Как бы то ни было, опомнился он уже тогда, когда избавился от всех былых сомнений и груза на душе. Быть самим собой, признавать свои достоинства, принимать недостатки и искренне стараться стать лучше оказалось невероятно легко и спокойно.

Для выживания это было худшее время, но для любви — самая лучшая пора.

Но именно поэтому в душу легко закрадывался страх потерять обретённое счастье.

Помучившись сомнениями, Сун Фэй всё же решился украдкой задать Ци Яню тот самый вопрос, который время от времени всплывал в его мыслях по ночам и не давал покоя:

— Если бы вирус не вспыхнул и мы бы продолжали, как ни в чем не бывало, учиться и жить обычной жизнью... что бы с нами стало?

Услышав этот вопрос, Ци Янь как раз увлеченно разглядывал макушку Сун Фэя. Он с удивлением обнаружил, что у того слегка вьются волосы. Завитки были совсем легкими, поэтому при короткой стрижке оставались незаметными, но теперь, когда волосы прирядно отросли, они начали забавно топорщиться.

Каждый раз, когда Ци Янь думал, что знает Сун Фэя как облупленного, тот открывался с какой-то новой стороны, вызывая удивление и заставляя задуматься.

В их прошлых отношениях они оба вели себя не лучшим образом. И теперь, когда им наконец выпал второй шанс, он не хотел наступать на те же грабли.

— Эй, — Сун Фэй шлепнул его по руке, тормозящей его шевелюру. — Я вообще-то с тобой разговариваю.

Ци Янь опомнился и опустил на него взгляд:

— М?

По одному только взгляду Сун Фэй понял, что говорил в пустоту. Мысленно выругавшись, он повторил всё заново, напоследок решив перестраховаться:

— И даже не вздумай отделиваться банальным «история не знает сослагательного наклонения». Это чисто гипотетический вопрос, так что изволь вообразить эту ситуацию и ответить нормально.

Напыщенный тон Сун Фэя вызвал у Ци Яня улыбку. Но раз уж он твердо решил исправиться, то оставил былую уклончивость и ответил предельно честно:

— Итог был бы один. Даже если бы ничего не случилось, я бы всё равно тебя вернул.

Упорство Ци Яня, конечно, трогало до глубины души, но Сун Фэй всё же выгнул бровь и с сомнением покосился на своего по уши влюбленного ВФ:

— И откуда в тебе такая уверенность, что у тебя бы всё получилось?

Ци Янь на полном серьезе задумался и выдал чистую правду:

— Красивое лицо, крепкое телосложение, выдающийся талант и пылкая, искренняя любовь.

Сун Фэй мысленно схватился за голову. Если бы не приятный, бархатный голос Ци Яня, он бы точно подумал, что разговаривает сам с собой:

— Ты можешь набраться от меня чего-нибудь действительно хорошего?!

Ци Янь покатылся со смеху:

— Не могу. Я просто обожаю твое умение нести вдохновенную чушь.

Сун Фэй закатил глаза, но в глубине души малодушно растаял от нежности. Действительно, когда обстановка располагает, даже подколки звучат как любовный шепот.

— А если бы ничего не случилось, когда бы ты предложил мне снова сойтись? — Хоть это и было лишь предположением, Сун Фэю все равно было безумно любопытно, как бы поступил Ци Янь. Ведь не будь вокруг смертельной опасности, они бы не смогли проверить свои чувства в беде.

Ци Янь нахмурился, искренне недоумевая:

— Так я только этим всё время и занимался.

Сун Фэй остолбенел. Сперва он решил, что Ци Янь шутит, но тот смотрел на него с абсолютно серьезным видом. Изрядно озадачившись, Сун Фэй нерешительно переспросил:

— Ты... всё время... пытался меня вернуть?

— Иначе с какой стати я после расставания постоянно крутился бы у тебя перед глазами?

— Но ты ведь каждый раз появлялся только для того, чтобы уколоть меня побольше, задеть за живое или взбесить!

— Это была такая тактика провокации.

<http://bllate.org/book/18287/1753502>